

707-й на связь не вышел

Юные моряки преодолевали все тяготы службы и готовы были в любой момент ринуться навстречу опасности. Очень часто от бывалого моряка юнга отличался лишь возрастом да ростом. В советское время юнг на военных кораблях не было. Слишком трудной и сложной стала для них служба. Но наступила война, и тысячи подростков ринулись в военкоматы, райкомы комсомола, писали письма в ЦК ВЛКСМ, Главное политическое управление с просьбой послать на фронт. Учитывая этот патриотический порыв, наркомат Военно-морского флота и ЦК ВЛКСМ приняли решение о создании школы юнг ВМФ. Расчет был прост: пока юнги учатся, кончится война, и они придут на корабли флотскими специалистами.

В первый набор 1942 года из Горьковской области было отобрано 258 человек, в том числе 25 из Выксунского района. Среди них был и Саша Чаулин.

...Многие годы я собираю все, что связано с жизнью Саши Чаулина, — документы, воспоминания товарищей и родных, письма. Его письма стали своеобразным дневником мальчишки военной поры.

1 августа 1942 года. Мама! Ты не беспокойся. Сказать, где я, не могу — это военная тайна. Но скажу, что нахожусь в хорошем месте. Нас обмундировали в краснофлотскую форму. Так что если приеду домой, то меня сразу не узнаешь. Жаль чубчика моего, ну да ничего, хорошо и без него. Живем мы весело, дружно, ребята хорошие попались, кормят хорошо. Мама, ты говорила, что мне будет трудно с дисциплиной. Нет, знаешь, совсем как-то легко. Правда, поначалу с непривычки трудно приходилось, но теперь это уже входит в обычай.

18 августа 1942 года. Здравствуй, Галя! Ну как вы там живете? Передай привет родным. Смотри, приеду через год, и если ты не будешь уметь танцевать, плохо будет. Шучу, конечно. Пиши мне больше. Буду ждать. Ну, до скорого свиданья, сестричка.

20 августа 1942 года. Здравствуйте, папа, мама, Галя и маленькая «пупа» (сестренка). Дорогая мама! Слово свое я держу по-краснофлотски. Впрочем, мы здесь все делаем по-краснофлотски: сами строим себе жилье, клуб, камбуз, сами стираем, вообще все делаем сами. Меня зачислили учиться на радиста. Говорят, что это самая хорошая и самая почетная специальность на флоте. Но в учебе на этом я останавливаться не буду... Главное то, что я твердо решил всю свою жизнь посвятить службе на флоте. Здесь жить очень хорошо. Красивая природа, много грибов и ягод. Вчера мы поймали руками белку. Кормят нас здесь хорошо. Скоро перейдем в собственноручно построенные кубрики (землянки).

26 августа 1942 года. Здравствуйте, папа, мама, Галина и бабушка. Вот наконец получил ваше письмо, за которое очень благодарен. Вы так много задали мне вопросов, что на все ответить сразу трудно, а на некоторые и нельзя. Папа, отвечаю тебе. Учусь на радиста. Ребята в нашей роте хорошие, со всего Советского Союза. Насчет питания скажу, что оно очень хорошее. Мама, ты за меня не беспокойся. Живу хорошо. Меня назначили заместителем командира смены. Не могу не поделиться с тобой большой радостью: мою фотографию поместили на Доску почета...

17 сентября 1942 года. Здравствуйте, папа и мама! Сосед мой по койке — мой друг Костя Хазов. Он со мной ехал из Горького, а сам из Москвы. Из нашей Выксы со мной Вовка Порхачев, а Колька (помните, мой одноклассник) просит передать вам привет от него, что я и делаю... Что нового на заводе? Как у вас там с питанием? У нас хорошо.

1 октября 1942 года. Здравствуй, дорогая Галочка! Наконец получил твое письмо, за которое тебе очень благодарен. Ты спрашиваешь, хожу ли я на танцы? Отвечаю: пока нет, но скоро буду. Вот закончим строительство клуба, тогда и танцы будут. А ты, смотри, научись танцевать так, чтобы, когда приеду в отпуск, с тобой станцевал братишка-морячок, понятно!

14 октября 1942 года. Здравствуйте, мама, папа и Дисунька! Живу хорошо, здоровье прекрасное. Я здорово поправился, даже пополнел, чувствую необыкновенный прилив сил, которых, вероятно, хватит с избытком на весь учебный год. Работы общественной все больше и больше. Ребята оказали мне большое доверие – избрали секретарем комсомольской организации роты. Сам провел радио в кубрик. Скоро будет электричество. Кино тоже будет. Все делаем сами.

И песню даже сами сочинили. В ней есть такие слова:

Мы сами строим нашу школу юнг,

И видим радость в собственном труде,

Пойдем навстречу штормам, бурям, вьюгам

За нашу жизнь, что создана в борьбе...

12 ноября 1942 года. Здравствуйте, дорогие мама и папа! Шлю вам горячий краснофлотский привет. Сегодня генеральная стирка была. Выстирал рабочее платье, две тельняшки, простыню, наволочку, форменные воротнички, носовые платки, носки. Ох, и досталось же моим рукам! Как вы провели праздники? Я замечательно. На всю жизнь останется в памяти. 7 ноября получил перед строем благодарность от командования. Мама, пришли шелковых красных ниток побольше. Нужно вышить одну вещь.

20 ноября 1942 года. ...Вы, вероятно, не представляете, как я сейчас выгляжу? Постараюсь описать. В черной шапке-ушанке, во флотской черной шинели, на которой в один ряд желтые латунные пуговицы. Перепоюсан черным флотским ремнем с бляхой. В суконных черных широких брюках. Мы их называем клешами. На ногах черные же ботинки. Вид, как мне кажется, бравый. Через правое плечо ляпка противогаза, в правой руке винтовка с примкнутым штыком, на ремне подсумок с патронами. С настоящими, боевыми. Сегодня на сутки назначен помощником начальника караула. Погода неважная. Ветер свистит и завывает. Но ничего, нам теперь уже не привыкать закалять себя к наступающим боям. Кстати, я несколько не раскаиваюсь, что пошел в эту школу, как некоторые нытики, которых я не могу видеть спокойно... Мама, не забудь прислать красного шелка.

12 декабря 1942 года. ...Живу хорошо. Здоровье вроде бы с каждым днем прибавляется. Занимаюсь физкультурой. Дополнительно к физзарядке бегаю каждый день к морю в одной тельняшке. Работаю сейчас за старшину смены. Честно скажу, трудно, много приходится работать с ребятами, да и с самим собой. Они же мои товарищи, сверстники! А я ведь так мало еще знаю, чтобы командовать ими. У меня сегодня радостный день. Получил благодарность от командования за отличную учебу и дисциплину. Это уже третья благодарность.

Галина, ведь ты пионерка. Ты должна не расстраивать маму, а как можно больше помогать ей по хозяйству. Помнишь, как это делал я? Учти.

30 декабря 1942 года. Здравствуйте, мама и папа! С учебой обстоит дело хорошо — по математике на днях держал экзамен за 7 классов. Сдал на «отлично». Малость трудновато с приемом на слух, но это отрабатывается временем. Живем хорошо. На днях провели себе в кубрик электричество, а то с копилками жили.

5 марта 1943 года. Здравствуй, Динуська! Моя дорогая, милая сестренка, крепко обнимаю и много раз целую. Ты на меня больше не сердись, я тебе всегда буду писать. Ты только слушайся маму, помогай ей, люби ее.

Галя! Мама пишет, что ты в прошлый четверг по всем предметам получила посредственные отметки. Так, сестричка, не пойдет. Надо нажать на учебу. Я и то ни одной посредственной не имею, а у меня условия учебы не как у тебя!

Давай соревноваться! Я беру на себя следующие обязательства:

1. Иметь по всем общеобразовательным предметам и специальным дисциплинам только 4 и 5.
2. Стать отличником боевой и политической подготовки.

Жду твоих пунктов.

10 апреля 1943 года. Папа, ты спрашиваешь, какую специальность я получу. Отвечаю. По окончании учебного года нас выпустят радистами флота — радистами первого и второго класса. Специальность прекрасная — «морская интеллигенция», как ее зовут на флоте. Вообще тут поговаривают о продолжении обучения после выпуска. Мы все на дыбы. Никто и думать не хочет о продолжении учебы. Сначала надо разгромить врага. Главное, к чему мы должны стремиться, — как можно быстрее разгромить эту гитлеровскую мразь, этого гада Гитлера. Вы в тылу, мы — на фронте.

5 мая 1943 года. Здравствуй, мама. Шлю горячий привет! Мама, отвечаю на твои вопросы. Живу хорошо, весело, питание хорошее, каждый день разнообразное. Утром — белый хлеб и масло. Получаю полтора килограмма сахарного песка на месяц. Учимся 9 часов в день — четыре часа общеобразовательные предметы, остальные — по специальности. Учеба дается легко. Скоро будем ходить в море на шлюпках. Стали часто смотреть кино. Посмотрели новые фильмы: «Как закалялась сталь», «Секретарь райкома». Часто ставим свои концерты, самодеятельность в школе хорошая — заняли второе место в гарнизоне. Вообще, отдыхаем культурно. Со стиркой свыкся и сейчас стираю не хуже тебя, мама! Работаем на себя: дежури́м на камбузе, таскаем из озера воду, приводим в образцовый порядок территорию роты.

3 июня 1943 года. Здравствуй, бабушка. Как живете, что нового в деревне? Знаешь, мне почему-то иногда очень хочется побывать в деревне. Бабушка, а ты как себя чувствуешь, как здоровье, ходит ли кто к тебе из внучат? Как я, помнишь, к тебе приходил, когда мне было трудно?

Как жалко, что дедушка не увидит своего внука-морячка, а ведь он меня любил. Бывало, на речке ловим рыбу, я ему рассказываю о моей мечте: «Моряком, дедушка, буду, хоть на болоте, а плавать буду, это факт». А он сидит и слушает, изредка пословицу или поговорку вставит. В последних он, кажется, не знал равных в деревне. Вообще, дедушка был умный, радостный старик. Бабушка, смотри доживи до моего приезда, а я скоро, может быть, приеду на месячишко.

11 июля 1943 года. Здравствуй, папа!.. Насчет отпуска, папа, приходится отложить. Из нас хотят сделать моряков в полном смысле этого слова, как сказал начальник школы капитан I ранга Ю. Н. Авраамов.

25 июля 1943 года. Здравствуй, папа! Мама для меня самый дорогой, любимый человек на земле. Нет, не человек — это очень сухо. Она идеал, образ, который я пронесу через все невзгоды, испытания и штормы жизни, как радость и счастье беззаботного детства и ласковой материнской любви, в чем, ты знаешь, в нашей семье никто не испытывал недостатка. В этом уверен глубоко и твердо. Я рад сообщить, что готовлю себя к вступлению в партию. Как исполнится 18 лет, подам заявление. На следующей неделе уходим на месячную практику в море, а после нее будут экзамены.

25 августа 1943 года. ...Да, можете поздравить меня с морским крещением — ходил в море, где нас крепко поболтало. Около трех суток штормило. На катере заходили в Беломорск, где дали несколько концертов художественной самодеятельности нашей школы. Успех имели огромный, еще бы — «моряки приехали». Знаете, впервые в жизни вел сам судно в море — стоял за штурвалом, и нисколько не хуже ребят, которые учатся на рулевых.

19 сентября 1943 года. Здравствуйте, папа и мама! Завтра первый экзамен — маленько волнуясь, уж больно много приехало различных чинов из наркомата и флота. За предметы не боюсь, чувствую, что весь материал знаю неплохо, поработали над ним немало. Жить здесь осталось считанные дни. Отдаю швартовы, и самый полный на Северный флот.

29 сентября 1943 года. ...Спешу сообщить, что школу окончил по первому разряду — по всем предметам только «отлично». Жду отправки на флот. Как отличнику дали право выбора флота, я выбрал Северный.

8 ноября 1943 года. Дорогие папа и мама! Спешу сообщить, что школу я окончил и сейчас нахожусь на новом месте службы. Сначала меня распределили на Черноморский флот, но я упросил послать на Северный флот, мою просьбу удовлетворили, чему очень рад и доволен. Климат здесь очень суровый, но мы не поддаемся. Несем службу, как положено, а стараемся нести как можно лучше...

22 ноября 1943 года. ...Живу хорошо. Служба идет нормально. Только вот жаль, что не приходится участвовать в боях, самому непосредственно душисть и уничтожать фашистскую мразь. Иногда так обидно становится, что не нахожу себе места. Сами подумайте, каково мне: кто-то бьет гитлеровцев, уничтожает их, а я узнаю об этом из сводок Совинформбюро. Принимаю их ежедневно, передаю по радио адресатам, а сам при этом мечусь от жажды мести за все поруганное и разоренное на нашей земле, разрушенное этими варварами.

Письма Саши Чаулина подготовил к публикации бывший комиссар Соловецкой школы юнг, капитан I ранга Сергей Сергеевич ШАХОВ.

Саше Чаулину не удалось дожить до победного дня и вернуться домой. В донесении о безвозвратных потерях личного состава Северного флота значится: «Чаулин Александр Алексеевич, 1926 г. р., пропал без вести в августе 1944 года». Лишь немногие знали, что погиб он в бою, но свидетелей того боя не было. В один из августовских дней флотский радист Чаулин с позывным 707-й на связь не вышел...

Только сейчас стало известно: он был бойцом легендарного 181-го отдельного разведотряда Северного флота. Задание, которое он выполнял, было особо секретным и долгие годы не подлежало разглашению.

Нам удалось по крупицам собрать факты и узнать, что это было за боевое задание.

Об этом мы впервые расскажем вам, но будет это уже в следующем номере газеты.

Окончена школа юнг. Юные моряки дали клятву:

«...Мы клянемся с достоинством и честью оправдать оказанное доверие, умножать боевые традиции советских моряков, хранить и беречь честь школы юнг ВМФ»...

Место службы Саши Чаулина известно — Северный флот. Но флот большой. Что это будет: служба на корабле, на береговой радиостанции? С желанием пока не разбежишься. Приказом по флотам предписано юнг беречь и в боевых операциях не задействовать. А они рвались в пекло войны. Вот письмо, пришедшее от Саши Чаулина домой. Написано оно с нового места службы.

7 января 1944 года. ...По моей просьбе переведен на другое место службы, именно на то, на которое мне больше всего хотелось. Работа интересная, и скучать не приходится. Правда, в боевые операции не ходил, так как малы пока еще познания в этом «хозяйстве». Учусь, учусь, учусь. Чувствую, что в скором будущем представится возможность «отличиться» на этом поприще. Где именно, с кем и как, сказать сейчас не могу. Знаю только, что бывать придется везде — на воде, под водой, на суше. Увидите учительницу немецкого языка Спидальскую, поблагодарите от меня за обучение и скажите, что был я большим дураком, пренебрегая этим предметом. Он мне сейчас как нельзя нужен. Потому и приходится сейчас заниматься по десять часов в сутки, наверстывать упущенное.

Попробуем это письмо «расшифровать». 22 ноября прошедшего года он сообщал о своем месте службы и был им не очень доволен. Видимо, это была береговая радиостанция, далекая от войны. И службу-то он называет работой. Но это в ноябре. Прошел месяц, и он уже на новом месте, на котором и хотелось быть. Судя по письму, он к чему-то готовится и штурмует немецкий язык.

В донесении о безвозвратных потерях указывается его место службы — «СФ, штаб части РО, 2 отд.». Догадаться нетрудно, что РО — это разведотдел. Саша Чаулин стал флотским разведчиком.

Об этом было известно, но вот что это была за разведка и какая роль в ней отводилась Саше Чаулину, нам предстоит узнать.

Северный флот был молодым флотом, созданным перед самой войной. Как и всем флотам, нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов предписывал усилить разведывательную работу, считая, что «...главным разведывательным средством является воздушная разведка». Но существующие гидропланы имели малый радиус действия и контролировали только ближайшую зону.

Война внесла свои коррективы. Разведчики проникали в тыл врага на катерах, на подлодках и на парашютах.

В июле 1941 года был сформирован 4-й добровольческий отряд моряков, который позднее переименовали в 181-й особый разведывательный отряд разведотдела Северного флота. В него-то и попал служить Саша Чаулин.

17 марта 1944 года. ...Ну вот, наконец, я и на определенном месте. По этому адресу можете писать хоть тысячу писем. Но предупреждаю, что сравнительно большой промежуток времени я вам писать не буду, так как буду находиться в длительной командировке.

Известно, что просто так в разведку не попадешь. Здесь нужны особые качества человека. Каким же был Саша Чаулин?

Вот так о нем вспоминала его тетя, учитель истории Анастасия Сергеевна Чаулина:

«Сашу я знала с раннего детства. Это был крепкий, энергичный, стремительный, подвижный мальчик с большими карими глазами, с ямочками на щеках.

С малолетства жила в нем мечта о море. Как и откуда явилась она ему, неведомо никому. И удивительно это для мест наших, удаленных от моря на многие сотни километров.

Был Саша в классе заводилой. Очень любил играть в различные игры. И каждый раз выходил победителем. Он непременно должен быть первым на самом высоком дереве, дальше всех послать мяч, первым прибежать, дальше всех заплывать.

Во всех играх Саша, конечно, был командиром. Он надевал фуфайку, ладно подтягивался морским ремнем, на шапку прикреплял пятиконечную звезду, из доски была сделана «настоящая» винтовка, и вот шум, крик на всю улицу...

Как учился Саша в школе? Он был самым собой. У него все свое, неповторимое. Он не был безвольным, легко отступающим от своего принципа. Ему нелегко давался русский язык. В школе он не очень любил немецкий язык. Ему было трудно быть усидчивым, безмолвным, без своего «я». Он был очень способным мальчиком, но надо еще было заставить себя быть пунктуальным, аккуратным. Это ему удавалось не всегда легко».

20 марта 1944 года. Здравствуй, Галя! Решил написать тебе последнее пока письмо, заодно и предупредить о том, что продолжительное время не буду иметь возможности писать... Но ты, конечно, пиши, пиши обо всем, что происходит дома, в школе, на улице. Меня это все очень интересует. Хотя я уже вырос из того возраста, чтобы интересоваться, что делается на нашей улице.

Галя! Только не забывай об учебе. Учеба — это самое главное в твоей жизни сейчас. Скажу тебе по секрету, может быть, через полгода, через семь месяцев приеду домой. Только ты никому об этом не говори. Прощай, целую!

Это письмо к сестре было на всякий случай прощальным. В последних строчках он «разгласил» все-таки военную тайну. Он знал о цели боевого задания и сроках его выполнения. Действительно, он уходил в тыл врага на долгие семь месяцев...

С мая 1943 года 181-й особый разведывательный отряд Северного флота начал «осваивать» побережье Норвегии. Кратковременные вылазки предпринимались и до этого, но необходимо было установить постоянный пост наблюдения на мысе Нордкин. Отсюда просматривалось все движение вражеских конвоев и пролеты эскадрилий бомбардировщиков.

Группы разведчиков численностью три-четыре человека высаживали с подводных лодок. В состав групп входили в основном норвежцы. Это были молодые парни-коммунисты, бежавшие от фашистского преследования. Среди них был и Сверре Марелиус Седерстрем. Именно его группа одной из первых высадилась на мысе Нордкин и организовала постоянный пост наблюдения. Кроме посылаемой в штаб Северного флота информации, разведчики отработали методику сбора разведанных в тылу врага. Это пригодилось в дальнейшем.

5 апреля 1944 года в район мыса скрытно подошла лодка С-15 и легла на грунт. Ночью при всплытии лодки разведчики с мыса сообщили, что все спокойно и можно начинать смену группы. С мыса уходили норвежцы Сверре Седерстрем, Франс Юопари и Элиф Даль. Позади у них была полугодовая вахта. Их меняла группа из двух человек — командира Алексея Чемоданова и радиста Александра Чаулина.

Седерстрем, пока его напарники доставляли с подлодки груз, провел Чемоданова и Чаулина по своим недавним владениям, показал, в каких местах безопаснее всего укрывать имущество, откуда надежнее держать связь с базой.

Ни Чемоданов, ни Чаулин норвежским языком не владели, поэтому в их задании не предусматривалась встреча с местными жителями. Хотя берег и был пустынным, но и сюда могли заглянуть местные охотники. Из радиogramм Седерстрема было известно, что местные жители на контакт не идут, они запуганы массовыми арестами и расстрелами.

Так что высадившимся разведчикам предстояло долгие семь месяцев провести на горном пятачке в укрытии, где стояла палатка из двойного брезента.

Разведчик 181-го отдельного развед-отряда Северного флота, впоследствии ставший Героем Советского Союза, Макар Андреевич Бабилов писал в своих воспоминаниях:

«В обязанности Чемоданова и Чаулина входило наблюдение за морем и небом, за плаванием кораблей и судов, за полетами самолетов.

В задании особо оговаривалось, чтобы на связь выходили только при острой необходимости, когда обнаружат конвой или отряд боевых кораблей, либо при иных чрезвычайных обстоятельствах. Слушать их будут непрерывно. Задания командования пойдут только по расписанию, поэтому радиogramмы с базы предписывалось слушать в назначенное время. Если радист из Полярного не отстучит своих позывных, не волноваться, помнить, что им сидеть полагается как можно тише».

Лодка, высадившая их, ушла, и они остались вдвоем.

О Саше Чаулине мы знаем довольно много, а кто был его командир Алексей Чемоданов?

Посылая двух разведчиков на особо важное и по срокам длительное задание, состав группы был хорошо продуман. Алексей Чемоданов был опытным разведчиком, не раз ходившим по «зеленой тропе» — так моряки-разведчики называли пешие выходы. Кроме этого, он был вдвое старше Саши Чаулина и годился ему в отцы. Саша в отряде называл его или на вы, или «товарищ». Чемоданову с трудом удалось уговорить его звать просто — «командир». Сам он называл Чаулина по-отечески Сашей. До войны Алексей Чемоданов служил в пограничных войсках. А эта служба требовала максимальной сосредоточенности, внимательности и терпения.

Странная для них выпала на ближайшие семь месяцев война — сидеть на сбитой скамеечке среди камней и молча смотреть в сторону моря.

Несмотря на запрет: «На связь выходить только при острой необходимости», база получала от них радиogramмы почти ежедневно. Немецкие конвои непрерывной чередой шли в Норвегию за рудами редких металлов, которые были необходимы военной промышленности Германии.

Вечером 6 июня на базу пришла тревожная радиogramма. Днем недалеко от прибежища разведчиков был замечен посторонний человек. Приблизиться к разведчикам он не стал, а поспешно зашагал прочь. Но их пристанище он обнаружил.

В ответной радиogramме предписывалось срочно уходить на запасную точку. Собрали все, что могли унести, и двинулись.

Новая точка у Зунд-фьорда оказалась вообще в безлюдье, и подобраться к ней можно было только со стороны моря. С самолета сбросили им питание и батареи к радиопередатчику.

Тягостнее всего было неведение. Слушать сводки Совинформбюро они не могли — сэкономили батареи. Иногда лишь при настройке на нужную волну слышались обрывки сообщений: в Минске состоялся парад партизанских соединений, по Москве провели 57 тысяч пленных немецких солдат и офицеров, советские войска уже вступили в Польшу...

На Севере пока подвижек не было, от них по-прежнему ждали известий о вражеских конвоях.

Им, конечно же, было неизвестно, что в штабах уже разрабатывается грандиозная операция по освобождению Заполярья, и им предстоит в ней участвовать. Не знали они и о том, что на норвежском побережье активизировались немецкие егеря, которым удалось за лето уничтожить три группы разведчиков.

Громом среди ясного неба была радиogramма, расшифрованная Сашей Чаулиным, им предписывалось сняться с точки и возвращаться в отряд «по зеленой». Вначале в это не поверилось, но пришло подтверждение с уточнением: продукты питания и батареи будут сброшены с самолета в то место, куда они укажут.

Ничего не оставалось делать, как измерить по карте маршрут, — вышло 360 километров, но это по прямой, а идти предстояло по гористой увалистой местности, к тому же по тылам врага, непрерывно сообщая о том, что они видели в пути.

До сих пор остается загадкой, почему время их пропажи без вести помечено августом 1944 года. Быть может, просто штабные писари, не увидев подтверждения о возвращении в указанное время, обрекли их на неизвестность. Хотя весь сентябрь работала их рация, и однажды даже вылетал самолет сбрасывать необходимый им груз.

В начале октября, когда уже запорошил снег и ударили первые морозы, они услышали известие о том, что в Заполярье началось наступление. Теперь стало понятно, зачем им приказали идти «по зеленой». В следующей радиограмме им предписывалось организовать наблюдение за стратегической дорогой Петсамо — Рованиеми.

14 октября они заняли позицию на холме, усеянном валунами. Дорога хорошо просматривалась. Весь день вели наблюдение, а ночью отходили к скалам, отсылали очередные радиограммы, разминались и грелись у маленького костерка.

Как-то ночью они увидели артиллерийские сполохи. Их наблюдательный пункт со дня на день мог оказаться в прифронтовой полосе, а это увеличивало опасность обнаружения. По наводке пеленгаторщиков горные егеря прочесывали местность, все ближе подбираясь к работающей рации...

Когда первый раз Саша Чаулин и Алексей Чемоданов не вышли на связь, особой тревоги не было. Но 707-й молчал и на второй день, и на третий... Тогда-то и стало ясно: с разведчиками что-то случилось.

Во второй половине дня 20 октября дежуривший на приемном пункте радист принял радиограмму: «Окружены...Отстреливаемся...Прощайте».

На этом связь с 707-м прервалась. Навсегда...

Уже после войны наши специалисты, работавшие с военными документами противника, установили, что после длительного преследования Александр Чаулин и Алексей Чемоданов были затравлены овчарками.

Посмертно Саша Чаулин и его командир были награждены орденами Отечественной войны I степени.

Публикация Вячеслава ФЕДОРОВА.

Источник: Возвращённые имена / сост. Вячеслав Вениаминович Фёдоров. - Нижний Новгород : Кириллица, 2014. - 608 с.: ил. (с. 547-566)